

МАРТА ЯСКОП Код Доступа

Следствие
ведет
Маруся
Левкова

О ЧЕМ
НЕ ПИШЕТ
ГАЗЕТА
«ПРАВДА»

Марта Яскол
Код доступа
Серия «Следствие
ведет Маруся Левкова»

indd предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68624614
ISBN 978-5-04-177720-3

Аннотация

Маруся Левкова едва оправилась от недавних трагедий, поразивших маленький городок Чкаловск, как тут же снова происходит нечто страшное – в темной подворотне убит и ограблен пожилой мужчина. Маруся по воле случая знакомится с другом погибшего и вновь затевает опасное расследование, потому что не может оставаться в стороне. Начиная распутывать тайны, она еще не подозревает, что ей предстоит окунуться в прошлое – в тяжелые годы войны – и столкнуться с жестоким убийцей.

«Код доступа» – это увлекательный детективный роман, который погружает читателя в опасный мир с секретными лабораториями, немецкими шпионами и тайными исследованиями, закопанными глубоко под землей. Маруся Левкова отважно ведет расследование и движется по следам убийцы.

Писательница Марта Яскол написала захватывающий детектив, в котором читатели вместе с главной героиней Марусей могут распутать сложное дело и окунуться в прошлое.

Содержание

Часть первая	9
1	9
2	16
3	20
4	26
5	32
6	36
7	46
8	52
9	62
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Марта Яскол

Код доступа

Оформление серии А. Дурасова

Редактор серии В. Горюнова

При участии «Антон Чиж Book Producing Agency»

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

Все персонажи, место действия и события, кроме общеизвестных, вымышлены, любые возможные совпадения случайны.

...Марусе удалось разобрать доски достаточно, чтобы понять, что они скрывали большую, выложенную изнутри кирпичом яму, похожую на колодец. Луч фонарика выхватил из темноты уходящие вниз деревянные ступени. Дно колодца тонуло в полумраке. Разглядеть удалось только, что оно завалено мусором. Там, внизу, вполне мог располагаться лаз в подземный ход, куда-то же вели эти ступени?

Маруся спрятала фонарик в карман и, держась руками

за край ямы, осторожно поставила ногу на ступеньку. Выдержит? Постояла, выжидая. Глаза привыкли к темноте, которую разжигал только свет висящей высоко в ночном небе полной луны, и начали различать контуры окружающих предметов. Переместилась на ступеньку ниже. Чтобы спуститься еще ниже, придется отпустить руки, которыми она держалась за край ямы. Эх, была не была, как говорится, бог не выдаст, свинья не съест. Отпустив руки, Маруся начала нащупывать ногой следующую опору. Ступенька затрещала, Маруся взмахнула руками в отчаянной попытке как-то устоять, однако не удержалась и рухнула на самое дно ямы, оказавшейся глубже, чем показалось вначале.

Когда шок от падения миновал, Маруся попыталась оценить, во что влипла на этот раз. Вот тебе и «свинья не съест»! Влипла, точнее, угодила она в грязное крошево из дерева, кирпича и мусора и при этом, похоже, повредила ногу. Ноги в зимних ботинках оказались по щиколотку в воде. От верхнего края ямы ее отделяли метра четыре, если не больше, и несколько полусгнивших ступенек. Шанс выбраться с их помощью был мизерный, но Маруся им все же воспользовалась. Подвели и нижняя ступенька, которая сломалась, как только она попыталась на нее наступить, и ушибленная нога. Теперь следующая, пока еще целая, хоть и весьма хлипкая на вид, ступенька располагалась на такой высоте, что до нее не допрыгнуть, как ни исхитришься. Маруся провела ладонями по выложенным кирпичом стенкам ямы – уцепиться не

за что.

Она посмотрела вверх: чернота, ни единого проблеска.

– Лю-ю-юди! Кто-нибудь! Помогите-е-е! – прокричала Маруся, запрокинув голову.

Ответом ей стала тишина. Да и откуда здесь взяться людям? Кричи не кричи – никто не услышит и не придет на помощь.

Часть первая

1

Снечаянно задетой еловой ветки на Марусю обрушился ледяной водопад. Б-р-р! Хорошо, до дома рукой подать, можно будет развесить на просушку пальто, согреться горячим чаем и вздремнуть после ночного дежурства...

На вопрос, какой месяц в году самый противный, Маруся ответила бы не раздумывая. Ноябрь. Золотая осень позади, а до начала весны – подснежников на проталинках, голубизны неба и вкусного весеннего воздуха – еще надо дожить. Доживем, куда денемся! Но пока голые ветви деревьев, низкое серое небо и клочки грязного снега под ногами навевают лишь грусть-тоску. Хотя, возможно, просто сказываются усталость и недосып.

К счастью, через два дня начинается зима, а это уже совсем другое дело. Декабрь, особенно его вторая половина, – это предпраздничная суэта, беготня по магазинам в поисках подарков, блеск елочных игрушек и таинственное мерцание дождика, запах хвои и мандаринов... А двадцать первого декабря еще и зимнее солнцестояние, после которого день начинает потихоньку, по минутке, прирастать, а ночь, напротив, убывать. По словам Марусиной бабушки, именно с это-

го момента «дело идет к лету». Несмотря на то, что впереди еще минимум два стылых и вьюжных зимних месяца.

Весной, в марте, будет ровно год, как Маруся Левкова приехала в Чкаловск и приступила к работе вольнонаемным врачом в гарнизонном госпитале. До того она работала в окружном госпитале в Киеве – осталась там после прохождения интернатуры. К решению кардинально сменить обстановку подтолкнула личная драма, о которой Маруся вспоминать не любила.

Приехала в марте, а в конце лета волей-неволей оказалась в водовороте событий, которые надолго запомнились жителям Чкаловска, небольшого городка в Калининградской области.

Зато теперь и на работе, и на личном фронте у Маруси полный штиль. Ну, или почти полный...

С работы Маруся всегда ходила через городской парк. Летом она с удовольствием прогуливалась по обрамленным ожерельями фонарей дорожкам и наблюдала за утками, плавающими в ухоженном прудике. Именно в этом парке произошли некоторые из тех самых драматических событий, которые Маруся не забудет, наверное, до конца жизни. Однако парк от этого не потерял для нее своей притягательности.

Зимой на парковых аллеях не увидишь праздно гуляющих, лишь редкие прохожие спешат по своим делам. Никто не любит замерзшим прудиком, не отдыхает на скамейках... А вот и нет, на дальней скамейке, кажется, кто-то си-

дит. И как ему не холодно?

Поравнявшись с единственной занятой скамейкой, Маруся бросила быстрый взгляд на сидящего. Пожилой мужчина, одет прилично – в темное добротное пальто и нутриевую шапку, шея обмотана темно-синим шарфом ручной вязки. Сидит как-то странно – боком, привалившись к спинке скамейки. С ним все в порядке?

– Пить надо меньше, – проворчала идущая навстречу Марусе женщина, по глаза укутанная пуховым платком. – Вот бесстыжие, с утра уже зенки заливают. Пьянь подзаборная!

Осуждающе махнув рукой в варежке, женщина заторопилась прочь.

На пьянь подзаборную мужчина в синем шарфе был совершенно не похож. Маруся осторожно приблизилась. Да и не пахнет от него ничем, кроме одеколona «Шипр», – знакомый запах, сосед по квартире Коля Шведов пользуется таким же...

Лицо мужчины было серым, лоб покрыт испариной.

– Товарищ, – Маруся коснулась плеча мужчины, – вы плохо себя чувствуете? Где у вас болит?

– Здесь ж... жжет, – прижимая руку к груди, слабым голосом ответил тот, – и дышать... нечем...

– Э, да у нас тут, видимо, сердечный приступ, – пробормотала Маруся. – Первый раз с вами такое?

– П-первый, – одними губами ответил мужчина.

– Так, без паники, я мигом, – нарочито бодрым тоном про-

изнесла Маруся, оглядываясь по сторонам.

На счастье, по соседней аллейке шли, держась за руки, парень и девушка. Они, казалось, не замечали не только мороза, но и вообще ничего и никого вокруг.

– Ребята, тут человеку плохо! – крикнула им Маруся. – Нужно «скорую» вызвать, телефонная будка там! За углом! Прошу вас, быстрее!

– Мы сейчас! – Парочка резко развернулась и припустила в указанном направлении.

Маруся склонилась над мужчиной. Помогла ему сесть удобнее, ослабила намотанный на шею шарф. Достала из сумки пачку аспирина и пузырек с нитроглицерином.

– Это разжевать и проглотить. – Маруся сунула мужчине в рот таблетку аспирина и подождала, пока он послушно ее разжует. – Нитроглицерин под язык. И дышите, дышите глубже!

Прошла уже, наверное, целая вечность, а «скорая» все не ехала. Вдруг мужчина закрыл глаза и стал заваливаться набок. Его лицо, начавшее было розоветь, снова посерело.

– Стоп, мы так не договаривались. – Маруся не без труда уложила мужчину на скамейку, подложив ему под плечи его шарф, свернутый валиком. – Я же просила вас дышать, что ж вы не дышите-то!

Она глубоко вздохнула и начала делать ему искусственное дыхание. Прodelывать это в парке, на морозе, ей еще не приходилось. Впрочем, холода она уже не чувствовала. «Все

будет хорошо. Я его вытащу», – пронеслось в голове. Откуда она это знала? Откуда-то знала. И вместе с воздухом вдыхала в незнакомца свою уверенность. Между вдохами Маруся прижала пальцы к ледяному запястью мужчины. Пульс не прощупывался. Она расстегнула верхние пуговицы его пальто и деловито приступила к непрямому массажу сердца.

– Раз, два, три, четыре... – громко считала Маруся.

Пять толчков – пауза. Еще пять толчков – снова пауза. Пятнадцать толчков – два вдоха. Снова массаж. И сердце незнакомца откликнулось – застучало ровнее. Лицо из землесто-серого превратилось просто в бледное, короткие белесые ресницы дрогнули.

– С возвращением, – прошептала Маруся.

Спустя секунду раздался самый прекрасный для нее в тот момент звук на земле – вой сирены «скорой помощи»...

Маруся попросила врача «скорой» отвезти незнакомца в госпиталь: во-первых, мол, она там работает, а во-вторых, госпиталь от места происшествия гораздо ближе, чем городская больница, до которой человека с инфарктом есть риск не довезти. Через пятнадцать минут она уже вбегала вслед за каталкой в приемное отделение.

– Инфаркт, похоже, везите его скорее в реанимацию! – крикнула Маруся заметавшимся медсестрам. – Кто сейчас дежурный врач?

На пороге реанимационного блока она столкнулась с начальником госпиталя майором Вороновым, облаченным в

белый халат. Каталку завезли в блок.

– Маруся? – удивленно поднял брови Воронов. – А разве твое дежурство еще не закончилось? Я же видел, как ты уходила...

– Ты снова за мной шпионил? – вспыхнула Маруся. И после паузы добавила: – Да, пришлось вернуться.

– А кого это ты привезла? – не унимался Воронов. – Что с ним? И где ты его нашла?

– На улице. В парке на скамейке. Сердце схватило, думаю, инфаркт. Дай мне пройти, я должна убедиться, что там все сделают как нужно!

– Незачем тебе туда идти, с ним все будет в порядке! Я разберусь. – Воронов успокаивающе положил руку Марусе на плечо. – Ты у нас и мертвого поднимешь... с парковой скамейки. Иди-ка лучше домой отдыхать, всю ночь и все утро на ногах же ж.

В его зеленых в крапинку глазах – ну что за странный цвет! – прыгали чертики.

– А вам, товарищ майор, лишь бы ерничать. – Она дернула плечом, сбрасывая его руку. – Я и без вас знаю, куда мне идти! Вот возьму и пойду... домой!

Резко развернувшись, Маруся вскинула голову и пошла по коридору. Она представляла, как выглядит со стороны: румянец во всю щеку, изящная – благодаря высоким каблукам сапог – походка, полы длинного фиолетового пальто с отороченным пушистым мехом капюшоном эффектно развева-

ются... Совокупность всего этого призвана была произвести на начальника госпиталя глубокое впечатление. Промаршировав до конца коридора, Маруся споткнулась и чуть не подвернула ногу. Чертовы каблуки! Модные, да, но неудобные же ужасно!

Если б она оглянулась, то увидела бы, как глубоко впечатленный Воронов с досады махнул рукой и сокрушенно покачал головой...

2

На следующий день, придя на работу, Маруся первым делом навестила своего нового пациента.

Откровенно говоря, под громким названием «реанимационный блок» в госпитале подразумевалась небольшая палата, предназначенная для самых тяжелых больных. Для тех, кого приходилось практически вытаскивать с того света. От обычных палат эта отличалась наличием аппарата для ИВЛ – искусственной вентиляции легких, двух дефибрилляторов и особой гордости начгоспиталя Воронова – кардиомониторной системы, не новой, но еще вполне рабочей.

В реанимационном блоке стояли всего две койки. Одна из них, аккуратно застланная, пустовала. На другой лежал под капельницей одетый в полосатую пижаму мужчина с щедро посеребренной сединой шевелюрой и легкой седой щетиной на впалых щеках. Выглядел он уже получше, чем накануне в парке. Едва переступив порог, Маруся почувствовала на себе его внимательный взгляд.

– Здравствуйте. – Она пододвинула к койке стул и села. – Левкова Мария Васильевна, ваш лечащий врач. Как вы себя сегодня чувствуете?

– Полевой Иван Трофимович, полковник МВД в отставке, – пациент попытался приподняться.

– Лежите, лежите!.. Знаю, – кивнула Маруся, – видела ва-

ше удостоверение. Приятно познакомиться.

– И я очень рад нашей вчерашней встрече, – взгляд Полевого потеплел, – для меня, можно сказать, судьбоносной. Спасибо вам, Мария Васильевна. Если б не вы, я бы, наверное, сегодня себя уже никак не чувствовал.

– Вы шутите, и это хорошо, – улыбнулась Маруся.

– Сестричка мне все рассказала. Если б не вы... – повторил Полевой. – Благодарность вам и от меня, и от супруги моей, Клавдии Матвеевны...

– Ну, что вы, Иван Трофимович, – смутилась Маруся, – это же моя работа. Кроме того, наша Катя любит сгущать краски. Давайте-ка лучше я вас осмотрю, давление померяем. А потом вы расскажете мне, что же с вами вчера такое приключилось...

По словам бывшего следователя, а ныне пенсионера Ивана Трофимовича Полевого, сердечный приступ у него случился, вероятно, по причине переживаний – из-за смерти друга и сослуживца Семена Захарова, приехавшего к нему в Чкаловск на несколько дней погостить. Неделю назад на Семена напали с ножом в темной подворотне. Видимо, с целью ограбления – забрали небольшую сумму денег, наручные часы и дорогой наградной портсигар. Друг Ивана Трофимовича был еще жив, когда прохожие вызвали «скорую», но вчера утром в больнице скончался.

Переживал Иван Трофимович, конечно, страшно. Вот сердце и не выдержало.

– Я все понимаю, – с горечью произнес Полевой. – Напали, пырнули ножом, ограбили... Сам в свое время не одно такое преступление расследовал. Но в этом деле есть одна странность. Перед смертью Семен ненадолго пришел в себя и выговорил странную фразу. Ее санитарка, которая возле него дежурила, запомнила, а потом на всякий случай записала. Он сказал буквально следующее: «Сурок проснулся, рыжий кот...»

– Сурок? Какой сурок? – удивилась Маруся.

– Вот и я думаю – какой? Где он мог этого самого сурка увидеть? Никаких сурков ни у Семена, ни у нас в хозяйстве отродясь не водилось. Зоопарк в Чкаловске тоже нет, да и какой зимой зоопарк?..

– А кот? Кот у вас есть? – уточнила Маруся.

– Кот есть, – сознался Иван Трофимович. – Барсик. Красавец, сам черно-белый, глаза голубые, шерсть длинная... Умнющий! Знатный котяра. Моя Клавдия Матвеевна души в нем не чает. А он в ней. Но с чего бы Семен стал перед смертью нашего Барсика поминать? Да и не рыжий он. Не понимаю!

– А в милиции что говорят? – спросила Маруся.

– Завели, как водится, дело. Говорят, ищут убийцу. Найдут ли? По своему опыту знаю, что такое дело имеет много шансов превратиться в висяк. И меня, как назло, угораздило свалиться, лежу тут бревном, не могу ничего сделать, ничем помочь!

Полевой в отчаянии хлопнул ладонью по одеялу. Вид у него был крайне расстроенный.

– Иван Трофимович, вы очень поможете всем, и в первую очередь вашей Клавдии Матвеевне, если быстрее подниметесь на ноги. А для этого вам нужно перестать нервничать, – наставительно сказала Маруся. И неожиданно для самой себя добавила: – Я... подумаю, что можно сделать. Даю вам слово.

В палате было тепло, но Маруся почувствовала озноб. Она хорошо помнила, что уже ощущала нечто подобное, когда занималась своим первым делом. Делом о четырех убийствах¹, как она его называла... В рассказе Полевого была загадка, над которой действительно стоило поразмыслить. Но желательнее в свободное от работы время, иначе нагоняев от начальника госпиталя ей не избежать...

¹ Подробности дела можно узнать в романе Марты Яскол «Поправка на ветер». – *Прим. ред.*

3

Отношения с майором Вороновым у Маруси складывались непросто со дня их знакомства – ее первого дня работы в чкаловском госпитале. Вначале ей казалось, что Андрей Воронов не доверяет ей как профессионалу. Потом информированные люди сообщили Марусе, что майор Воронов не так давно развелся с женой, которая то ли ему изменила, то ли подсунула свинью, то ли и то, и другое разом. Поэтому какое-то время Маруся считала отношение к ней начальника госпиталя проявлением его недоверия к женщинам вообще. Она, конечно, была против подобных обобщений, но не запретишь же человеку заблуждаться!

С другой стороны, Маруся сама пережила предательство. Чуть ли не накануне свадьбы застала жениха Вадика в постели со своей лучшей подругой. Лишившись в одночасье и жениха, и лучшей подруги, Маруся решила перевернуть ту страницу своей жизни, так она и оказалась в Чкаловске.

То есть Воронова она понимала и в какой-то степени ему сочувствовала. Однако вскоре Маруся заподозрила, что дело не в недоверии к женщинам вообще или к ней как к молодому специалисту в частности, а в чем-то другом. Она дала себе слово разгадать эту загадку. Месяц-другой выжидала, предоставив событиям развиваться своим чередом. За это время душевная рана затянулась, видимо, она была не столь

глубока, как полагала несостоявшаяся невеста. А может, исцелению действительно способствовала смена обстановки.

Вскоре Маруся в спорах с самой собой устала отрицать, что Воронов, несмотря на некоторые, мягко говоря, странности в его поведении, ей небезразличен. Почему-то казалось, что и она ему тоже...

Странности в поведении Воронова получили совершенно неожиданное для Маруси объяснение: начальник госпиталя, видите ли, подозревал ее в том, что она его подсиживает и стучит на него вышестоящему руководству! Маруся сильно на него обиделась, не помогло даже признание Воронова в том, что она ему очень нравится. Дескать, познакомившись с ней поближе, он убедился в ее открытости и искренности. Потом события уже не просто развивались, а понеслись кувырком: Марусю чуть не зарезал хладнокровный убийца, Воронов сделал ей операцию и спас жизнь. Маруся тогда думала, что счастье близко и возможно...

Беда пришла откуда не ждали: в лице нового физиотерапевта Маргариты Колышкиной, переведенной в Чкаловск из Забайкалья. Колышкина сразу попросила коллег называть ее Марго, вероятно, воображала себя героиней книги Дюма «Королева Марго». Книги, к слову, весьма популярной и дефицитной: чтобы ее приобрести, отечественным библиофилам нужно было собрать целых двадцать килограмм макулатуры!

У Марго были густо покрашенные тушью «Ленинград-

ская» ресницы, выщипанные в ниточку брови, алые губы и ногти, рыжие локоны и пышный бюст. Да уж, у Маруси был другой, по выражению ее мамы, типаж...

Марго моментально положила на начальника госпиталя глаз, провела рекогносцировку, смекнула, кто стоит на ее пути к его сердцу, и стала прилагать недюжинные усилия, чтобы привлечь внимание Воронова, а заодно поссорить его с Марусей. То пирожки домашние подсунет: «Сегодня утром испекла, с картошкой, как вы любите, Андрей Владимирович!» То совета по работе попросит: «Редко встретишь такого профессионала, как вы, Андрей Владимирович!» То как бы невзначай настучит начальнику госпиталя на Марусю: «Знаете, Андрей Владимирович, Чекменев из третьей палаты на процедурах сам не свой был. Говорил, Левкова назвала его жалобы капризами и вообще была с ним груба...»

С Марусей Кольшкина разговаривала подчеркнуто вежливо, но смотрела при этом вызывающе. Змея, словом. Откуда только такие берутся?!

Маруся делала вид, что выпады Марго ее несколько не задевают, и надеялась, что Андрей доносам не верит. Но капля ведь и камень точит...

Чашу Марусино терпения переполнила сцена в кабинете у начальника госпиталя, невольным свидетелем которой Маруся стала неделю назад. Она легонько постучала и, не дожидаясь ответа, вошла в кабинет. Воронов стоял к двери спиной, а на кушетке, не спеша застегивая блузку, сидела

Марго.

– Мария Васильевна, вас стучаться, входя в кабинет к начальству, не учили? – с плохо скрываемой радостью спросила она.

– Я стучала, – ответила Маруся, изо всех сил борясь с желанием закатить жуткий скандал, – но у кого-то, видимо, проблемы со слухом. И с совестью.

У Маруси возникло ощущение дежавю. Сцена в кабинете начальника госпиталя была не такой откровенной, как та, которую Маруся застала год назад в комнате жениха Вадика в аспирантском общежитии. Однако и эта диспозиция истолковывалась, по ее мнению, совершенно однозначно.

«Спокойно, спокойно, – уговаривала она себя, – я не стану унижаться перед этой крашеной с-су... кикиморой. Не дождется, королева макулатурная! Я не доставлю ей такого удовольствия!»

– Что ж, Андрей Владимирович, вижу, вы оч-чень заняты, – как ни в чем ни бывало резюмировала Маруся. – Зайду позже. Возможно.

Выходя, она хлопнула дверью так, не специально, ни в коем случае, всему виной сквозняк, что в кабинете у начгоспиталя зазвенели стекла, а в стеклянном шкафу с лекарствами, кажется, что-то упало и разбилось. Маруся не сделала и пяти шагов, как дверь снова хлопнула, и из кабинета вылетел Воронов. Он догнал Марусю и схватил ее за руку.

– Маруся, ты чего? Ты все неправильно поняла!

– Андрей, меня тошнит от этих банальных пошлостей! – Маруся попыталась вырвать руку, но он не отпустил. – Успокойся, ты мне в любви и верности не клялся, я к тебе претензий не имею!

– Да послушай ты меня! – с досадой выговорил Воронов. – Марго пожаловалась, что у нее болит спина. Сказала, что подозревает смещение дисков, попросила посмотреть. Ну, я и... Это была всего лишь консультация, слышишь – консуль-та-ци-я! Человек нуждался в медицинской помощи! А я врач! И это, в конце концов, моя специализация!

– Как это трогательно! – умилилась Маруся. – Марго поманила, и ты по первому ее зову... Я так и поняла, что ваша, Андрей Владимирович, специализация – новенькие сотрудницы! А перед крашеными в рыжий цвет с-су... сотрудницами с красным маникюром вы просто не можете устоять! И с еще кое-чем... на чем кофточка трещит!

– Маруся, ну что за детский сад! Да, она снимала кофточку, но я-то был полностью одет!

– Да что вы? Простите, не успела разглядеть. Но это, конечно, аргумент! – саркастически усмехнулась Маруся. – Все, я не желаю больше об этом говорить. И у меня дел по горло, а вы, Андрей Владимирович, возвращайтесь в свой кабинет. Вас там, наверное, ждут не дождутся... нуждающиеся в помощи!

За неделю, прошедшую после той размолвки, Маруся, конечно, не раз задалась вопросом: а может, Андрей говорил

правду и это действительно была всего лишь консультация? По крайней мере, с его стороны, в том, что со стороны Марго это была провокация, Маруся не сомневалась. Но обида еще не утихла, по-прежнему клубком шевелилась в груди. Выходит, обида может быть сильнее любви? Или любовь должна быть все-таки сильнее?..

4

Говорят, человек счастлив, если утром с удовольствием идет на работу, а вечером с неменьшим удовольствием возвращается домой. Если это правда, то Марусю, пожалуй, можно было назвать счастливым человеком.

Чкаловск, небольшой и уютный, сохранивший обаяние старинного немецкого городка, ей очень нравился. В гарнизоне размещались несколько воинских частей, самой крупной из которых был авиационный истребительный полк. Должность начальника гарнизона Чкаловска занимал командир авиаполка, полковник Дремов, давний друг и сослуживец Марусинового отца.

В Чкаловске Марусе дали комнату в трехкомнатной коммунальной квартире на втором этаже старинного двухэтажного дома неподалеку от исторического центра городка.

Другую комнату в Марусиной коммуналке занимали прапорщик Николай Шведов с женой Татьяной, в третьей еще недавно обитал заместитель начальника гарнизона подполковник Савчук с супругой Адой Борисовной. Однако около двух месяцев назад Савчуки съехали в полагавшуюся им отдельную квартиру, наконец-то отремонтированную. А в коммуналке появились новые обитатели – семья Кузнецовых: Иван, Светлана и двенадцатилетний Митька.

С Митькой и его мамой Маруся познакомилась, можно

сказать, при чрезвычайных обстоятельствах. Было хмурое октябрьское утро, она пришла домой с ночного дежурства. Переобуываясь в домашние тапочки, заметила на полу прихожей неровную цепочку красных пятнышек, напоминающих кровь. Замерев на месте, Маруся поискала глазами что-нибудь тяжелое, но нашла только швабру. Вооружившись шваброй и стараясь как можно тише дышать, она на цыпочках – тапочки так и остались стоять под вешалкой – двинулась вдоль кроватной цепочки.

Следы вели вглубь квартиры и обрывались возле двери комнаты, в которой еще недавно жили супруги Савчуки. Дверь оказалась приоткрытой. Маруся прислушалась.

– У-у-у-йю!.. Ой-йю-йю-ой!.. У-у-у!.. – доносилось из комнаты.

Маруся прислушалась. Всклипывания стали громче. Держа швабру на всякий случай перед собой, она рывком распахнула дверь и заглянула внутрь.

На табуретке возле стола, стоявшего посреди комнаты, сидел худенький мальчишка лет двенадцати. Светлые взлохмаченные волосы, сопливый нос, в больших серых глазах – испуг и боль. Мальчишка раскачивался из стороны в сторону и подвывал. Правой рукой он поддерживал левую, из которой на свежeweымытый пол капала кровь. Сквозь дыру в рукаве фланелевой клетчатой рубашки виднелась довольно большая рваная рана.

– Ты кто? – спросила Маруся, отставляя швабру в сторону.

– Ми-и-итыка, – ответил сероглазый, морщась от боли, – а ты кто?

– А я Маруся. Ты, что ли, наш новый сосед? А с рукой что? Как это тебя угораздило?

– Через жабор леж, а там гвоздь торчал, – сквозь стиснутые зубы выговорил Митька и вытер нос уцелевшим правым рукавом.

– Еще и ржавый гвоздь, наверное? – уточнила Маруся. – Так, сиди здесь, никуда не уходи, я быстро!

Она сбегала к себе в комнату за перекисью, бинтами и зеленкой. Вернувшись, промыла Митькину рану перекисью, обработала ее края йодом, закрыла рану стерильной марлевой салфеткой и начала перебинтовывать.

– Через жабор леж, – передразнила Митьку Маруся. – А ходить, как все нормальные люди, не пробовал? Что тебе там, за чужими заборами, медом мазано?

– Не люблю мед, – скривился Митька. – Ай, больно!

– Терпи, казак! – Маруся завязала концы бинта узелком, еще и аккуратным бантиком, и полюбовалась результатом. – Мед он не любит! А варенье? Приглашаю тебя в гости на чай с вареньем, заодно отметим наше знакомство. У меня есть вишневое и абрикосовое, бабушка варила. Вкуснотища! Какое будешь?

– Вишневое, – поразмыслив, ответил Митька. – И абрикосовое.

Вскоре он уже сидел за столом в Марусиной комнате, дер-

жа в здоровой руке булку, намазанную маслом и вареньем. С аппетитом откусывая от булки и прихлебывая чай, Митька рассказал, что его отец, Иван Антонович, – штурман эскадрильи, а мама, Светлана Николаевна, – повар. Раньше они жили в Белгороде, и там у него было много друзей и в школе, и во дворе. Потом отца перевели в Чкаловск, а в Чкаловске у Митьки друзей пока нет. Да и откуда им взяться, если он здесь всего только второй день?

– Ничего, обзаведешься, – улыбнулась Маруся, – ты, как я погляжу, парень компанейский...

Говорить о школьных предметах Митька отказался наотрез, беседу о книжках поддерживал вяло, сказал, правда, что ему нравятся «Два капитана», что он тоже хочет летать, как отец и как главный герой «Двух капитанов» Саня Григорьев. Зато рассказывая о любимой игре «казаки-разбойники», Митька оживился и явно почувствовал себя свободнее, к тому же Маруся проявила к тонкостям игры неподдельный интерес.

Когда гость допивал вторую кружку чая, в комнату, постучавшись, вошла молодая миловидная женщина с такими же, как у Митьки, серыми глазами и светлой косой, обернутой вокруг головы.

– Здравствуйте, я Кузнецова Светлана, можно просто Света, – протягивая Марусе ладонь, сказала женщина. – Так вот вы какая! Нам товарищ полковник, начальник гарнизона, говорил: замечательная, мол, у вас соседка будет!

– Спасибо товарищу полковнику, – смущенно пробормотала Маруся. – Да вы проходите, присаживайтесь. Чаю хотите? Мы тут с вашим сыном чаевничаем...

– Я так и поняла, что мой сорванец у вас, – кивнула Светлана, садясь на краешек стула. – Ой, Митя, а это что? Куда ты снова влез?

– Ничего страшного, даже швы не пришлось накладывать, – поспешила успокоить Митькину маму Маруся. – Но в следующий раз лучше быть осторожнее... Прививку от столбняка давно делали?

– Недавно, – вздохнула Светлана, – когда он с крыши сарая с простыней вместо парашюта прыгнул и на кучу железяк приземлился... Это ж не ребенок, а кузнечик! Скачет и скачет, минуты на месте не усидит!

– Никакой я не ребенок! – возразил Митька. – Взрослый я уже!..

Через час Марусе казалось, что Светлану и Митьку она знает давным-давно. Маруся была рада, что в их квартиру поселили именно Кузнецовых, ей бы не хотелось делить жилплощадь с какими-нибудь снобами или скандалистами.

В тот же день она познакомилась с главой семейства – Иваном Кузнецовым, и он ей тоже сразу понравился. «Бывают же такие мужчины! – думала она. – Серьезные, надежные... не то что некоторые!»

Вскоре знакомство Маруси с Митькой переросло в дружбу – такую, какая может быть между старшей сестрой и млад-

шим братом. Марусе всегда хотелось иметь младшего брата или сестренку. И Митька к ней тянулся, даже доверял некоторые свои мальчишеские секреты. Правда, Маруся подозревала, что самыми страшными тайнами он даже с ней делиться не спешил...

По дороге с работы Маруся обдумывала рассказ Ивана Трофимовича Полевого об убийстве его друга. Заходя в квартиру, она все еще размышляла, что бы означали странные слова, произнесенные другом Полевого перед смертью. «Сурок проснулся, рыжий кот...» Если о котях Маруся имела более-менее полное представление, мало того – наблюдала многих представителей кошачьего рода вблизи, то о повадках сурков она не знала почти ничего. Кроме того, что на зиму они вроде бы впадают в спячку. Но какому-то отщепенцу почему-то не спится. Почему? Чепуха какая-то...

От раздумий ее отвлек голос Митьки.

– Маруся, привет! – воскликнул он. – А что ты такая невестелая? Тебя кто-то обидел? Ты только скажи, я ему ка-а-к дам!

– Лучше скажи, ты уроки сделал, защитник? – всовывая ноги в тапочки, откликнулась Маруся.

– Успею! – махнул рукой Митька. – Мы с пацанами договорились вечером на старых развалинах полазить. Вадька Дымов говорит, там недавно призрака видели. У-у-у-у!

Митька сделал страшные глаза и поднял руки с растопыренными пальцами, изображая привидение.

– Ну вы и выдумщики! Какие еще призраки? – покачала головой Маруся. И тут же вспомнила случай, который про-

изошел несколько месяцев назад.

В госпиталь доставили с дальних складов с боеприпасами караульного со сложным переломом ноги. Солдатик был без сознания, у него усиливался жар, начинался бред. Прапорщик, который его привез, рассказал Марусе странную историю. По его словам, часовой вроде бы увидел кого-то, проникшего на объект, сделал предупредительный выстрел, погнался за нарушителем, продолжая стрелять, но провалился в заброшенный каменный колодец. Часовой с соседнего поста слышал выстрелы и крики, но никого не видел. Следов проникновения на объект не обнаружили. Ненадолго приходивший в сознание боец успел сказать начальнику караула, что нарушитель «был белый, летучий и улетел в сторону леса».

ЧП с часовым расследовала военная прокуратура. Марусю начгоспиталя Воронов назначил военным дознавателем. Она побывала на месте происшествия, опросила свидетелей и дала чрезвычайному происшествию логичное, а главное – вполне реальное объяснение. Выяснилось, что часовой, который заступил на пост с плохим самочувствием и температурой, надыхался паров бензина, хранившегося в бочках, рядом с которыми он присел отдохнуть. Пары бензина вызывают опьянение, за которым может наступить фаза галлюцинаций. В таком состоянии можно не только летающих призраков увидеть.

– Митя, я тебя очень прошу, будь осторожен! – попросила

Маруся. – И ребятам передай, чтоб на рожон не лезли. Я бы вам посоветовала вообще не ходить на развалины, но разве ж вы послушаетесь?

– Не-а, не послушаемся, – заверил Митька. – Марусь, не переживай, ниче с нами не случится! Чуть не забыл: мамка пирожков наварганила, велела тебя угостить. Пирожки в кастрюльке, кастрюлька в полотенце замотана, полотенце в кухне на столе. Угощайся, а я погнался!..

Ох уж эти призраки, не оставляют они людей в покое, думала Маруся, жуя еще теплый пирожок с капустой. Многовековая история Чкаловска, до Второй мировой войны носившего название Хайлишен, породила множество загадок и тайн. Местные жители обожали легенды о привидениях и прочих летучих существах, якобы обитавших в многочисленных прусских замках. Эти легенды периодически подтверждались очевидцами. То кто-то встретил Белую Даму – женщину, погибшую страшной смертью, а затем поселившуюся в родных стенах в виде призрака. То подростки, играя в войнушку, видели летевшее по воздуху странное светящееся существо, которое, когда к нему попытались приблизиться, полетело в сторону железной дороги и скрылось в проложенном через гору туннеле...

У Чкаловска имелся и собственный призрак. Правда, он не летал, а как раз наоборот – рыскал в средневековых подземельях, лишь иногда выбираясь на поверхность. Считалось, что сеть этих подземных ходов берет свое начало в зам-

ке Норденбург, построенном рыцарями Тевтонского ордена в четырнадцатом веке. Однако Норденбург располагался на холме за городской чертой, а развалины, по которым намеревался лазить Митька с друзьями, неподалеку от парка, окружающего Марусин госпиталь. Как туда добрался призрак из замка?..

6

Мама и бабушка давно просили Марусю сфотографироваться в ателье и прислать им свою фотографию, чтобы они могли поставить ее на сервант и любоваться, пока Маруся ездит по своим гарнизонам.

Последний раз Маруся снималась в фотоателье на первом курсе мединститута, и та давнишняя фотография ей самой не очень-то нравилась. По настоянию мамы она тогда нарядилась в темную кофту с белым кружевным воротничком. Полтавский старичок-фотограф усадил Марусю в банальную, по ее мнению, позу: заставил подпереть рукой подбородок и неудобно наклонить голову. В итоге получилось, как говорится, то, что получилось: портрет напряженной старомодно одетой школьницы с испуганным взглядом.

– Через несколько лет ты себе на этой фотографии будешь казаться красавицей! – утешала расстроенную Марусю мама. – Как правило, люди по прошествии времени переоценивают свои старые фото...

Однако то ли с тех пор прошло еще недостаточно времени, то ли эта Марусина фотография стала исключением из выведенных мамой жизненных правил, но Марусе она по-прежнему не нравилась.

С учетом имеющегося неудачного опыта в этот раз Маруся решила подойти к делу ответственно. Для похода в ате-

лье выбрала кремовую блузку с бантом, сшитую по выкройке из журнала «Бурда», и плиссированную юбку. Заранее договорилась со знакомой парикмахершей Валентиной Семеновной – чтобы попасть в фотоателье сразу после стрижки и укладки, то есть с минимальным риском для прически. Благо парикмахерская, в которой работала ее знакомая, находилась недалеко от фотоателье.

С этой парикмахерской, к слову, у Маруси были связаны особые воспоминания, здесь она познакомилась с Эльзой, позже ставшей четвертой жертвой хитрого и безжалостного убийцы. Пятой его жертвой едва не стала сама Маруся, она и вычислила преступника, мало того, рискуя жизнью, участвовала в его поимке...

Эльза сделала тогда Марусе замечательную стрижку «Сэссон», прекрасно смотревшуюся на Марусиных слегка вьющихся волосах. Маруся искала альтернативу конскому хвосту, в который стягивала непослушные кудряшки, и результат стараний Эльзы ей очень понравился. Настолько, что она оставалась верна этой прическе до сих пор, хотя и немного отпустила волосы, теперь ее прическа выглядела еще более воздушной...

Фотоателье Маруся тоже заприметила давно – в глубине городского парка прятался старинный двухэтажный особнячок в готическом стиле. Внимание прохожих привлекали огромное наклонное окно с северной стороны здания и витрина под вывеской у главного входа, в которой красовались

несколько увеличенных портретов и пейзажей. Во всех фото чувствовалась рука мастера.

Марусе почему-то казалось, что в этом сказочном домике просто не могут делать плохие фотографии. Ателье в парке порекомендовал ей и начальник Дома офицеров Артемьев: по словам Юрия, там работает его знакомый, ветеран войны и опытный фотограф.

– В районной службе быта Ионыч считается лучшим, – авторитетно заявил Юрий и попросил передать фотографу привет.

В день, на который Маруся наметила свое мероприятие, с утра падал крупными хлопьями снег. Зимний парк, укутанный пушистым белоснежным покрывалом, выглядел невероятно красиво. Но Марусе снегопад оказался очень некстати: ей пришлось накинуть поверх свежей укладки газовый шарфик и вприпрыжку бежать от парикмахерской к фотоателье, чтобы часовые труды Валентины Семеновны за две минуты не пошли прахом.

На крыльце Маруся смахнула снег с меховой оторочки капюшона пальто, сняла косынку и толкнула дверь.

Негромко звякнул колокольчик, и она очутилась в просторном фойе с колоннами и высоким потолком. Оформленное в стиле барокко помещение – с пилястрами, лепниной, большой люстрой, тяжелыми бархатными гардинами на окнах и развешенными по стенам фотографиями в массивных рамах – показалось Марусе слишком уж вычурным. Из бо-

ковой двери на звук колокольчика вышла невысокая сухонькая старушка со стянутыми в узел блеклыми волосами и в накинутой на плечи теплой шали.

– Здравствуйте, вы хотите сфотографироваться? – Старушка оценивающе посмотрела на посетительницу. По-видимому, это была приемщица заказов.

– Вы угадали, – улыбнулась Маруся, в нерешительности переминаясь с ноги на ногу на пороге.

– Проходите, раздевайтесь, здесь тепло. Нужно немного подождать, фотограф проявляет пленку, освободится минут через десять. Вы как раз успеете подготовиться, – старушка величественным жестом указала на зеркало, такое же старинное, как и весь здешний интерьер. – Можете также полистать альбомы, выбрать образ. Вы уже знаете, как хотите сфотографироваться?

– Хотелось бы портрет и фотографию в полный рост, это возможно? – снова улыбнулась Маруся.

В этом ателье даже приемщица гораздо больше походила на учительницу музыки из института благородных девиц. По крайней мере, Маруся, окончившая обычную советскую школу, считала, что учительницы музыки из дореволюционных пансионатов выглядели именно так.

– У нас возможно все, – старушка гордо вскинула подбородок, а затем бросила на Марусю критический взгляд. – И нужно, чтобы ваше лицо отошло от мороза. Меня можете называть Любовь Павловной. Пойдемте, покажу вам павильо-

ны, быть может, выберете какой-нибудь фон.

Она с неожиданной грацией повернулась и пошла впереди Маруси, по пути щелкнув выключателем.

– Вот павильон для ростовой съемки, здесь есть разные задники – море, горы, старинный замок... Есть красивые кресла, столики, бутафорские колонны, скульптура Аполлона и Венеры...

Маруся с удивлением оглядывала павильон, уставленный огромными софитами и экранами – белыми и серебристыми. «Кажется, такие экраны называются отражателями», – мимоходом подумала она. Прожекторы свисали даже с потолка. Посреди зала возвышалась монументальная деревянная фотокамера с кожаными мехами, водруженная на тележку с колесиками, рядом притулилась камера поменьше на деревянной треноге.

На задней стене красовался морской пейзаж с парусником на горизонте.

Вдруг Любовь Павловна остановилась и прислушалась. Где-то приглушенно мяукал кот.

– Извините, мне надо впустить Бисмарка. – Любовь Павловна отодвинула занавес у задней стены, за которым обнаружилась небольшая дверь. Щелкнула щеколда, и с улицы степенно вошел большой пушистый котяра цвета кофе с молоком, припорошенный крупными снежинками. Он недовольно глянул на Любовь Павловну, что-то мявкнул в адрес Маруси и гордо прошествовал в одному ему известном на-

правлении.

– Иди-иди, Бася, покушай, – заискивающим голосом произнесла Любовь Павловна, ежась от хлынувшего в открывшийся проем морозного воздуха, и заперла дверь.

– Бисмарк – наш любимец, – известила она Марусю, – спасает нас от нашествия крыс и мышей, без него мы бы с вами не справились... Однако я отвлеклась, пойдете на второй этаж, там у нас еще один съемочный павильон и комната ожидания.

Зал наверху – со множеством зеркал, мягкими креслами и вешалками – впечатлил Марусю не меньше. Массивная гардина скрывала вход во второй съемочный павильон, еще просторнее первого и с огромным, во всю стену, наклонным окном. Вероятно, тут можно было делать групповые снимки.

– Здорово тут у вас, – восхитилась Маруся, – можно весь наш танцевальный ансамбль сфотографировать в костюмах...

Со стороны лестницы послышались тяжелые шаги и скрип разошедшихся деревянных ступенек. В павильон вошел худощавый седой мужчина лет шестидесяти, в светлой рубашке, синем матерчатом фартуке и такого же цвета нарукавниках. В руках он нес огромные деревянные кассеты от павильонной фотокамеры.

– О, у нас клиентка? – приветливо улыбнулся мужчина. – Любовь Павловна, вы уже познакомили девушку с нашими павильонами? Разрешите представиться, Василий Иванович

Гвоздарев, фотограф. – Он сунул кассеты под мышку и протянул руку, которую Маруся пожала. – Я смотрю, вы неплохо подготовились, как называется ваша прическа? Прелэстно, прелэстно... Любовь Павловна, поставьте, будьте любезны, чайник, согреемся немного и приступим к фотографированию.

Маруся попыталась было от чая отказаться, но оба – и Василий Иванович, и Любовь Павловна – так яростно замахали руками, что она рассмеялась и, поблагодарив, согласилась.

Чай сели пить в небольшой комнатке на первом этаже, отгороженной от зала расписной складной ширмой. Василий Иванович снял фартук, надел толстый вязаный джемпер и сразу стал похож на уютного домашнего дедушку.

– Чем богаты, тем и рады, – он поставил на журнальный столик коробку конфет. – Итак, вы Маруся, верно? Мне товарищ Артемьев о вас рассказывал. По-моему, он от вас просто бэз ума. А еще он говорил, что вы замечательно танцуете.

– А мне он рассказывал, что вы замечательный портретист, – зарделась Маруся.

– Ну, что есть, то есть. – Василий Иванович помешал ложечкой в стакане с мельхиоровым подстаканником. – Я, видите ли, поклонник творчества известного фотографа Свищева-Паоло и даже был лично знаком с Николаем Ивановичем. А он, вообразите, снимал портреты Есенина, Лемешева, Качалова! Не менее известен, чем Карл Карлович Булла – портретист и мастер документальной фотографии из

Санкт-Петербурга, а позднее – Ленинграда... Портрэт, как мне представляется, самый сложный жанр в фотографии. Надо уловить самую внутреннюю суть человека, заглянуть в душу, я бы сказал. Тогда есть шанс на успех. А у нас сейчас как? Прибежали, быстренько сели – щелкните нас! Разве это портрэт? Сплошное ремесленничество! – Гвоздарев с досадой махнул рукой. – Хотя я люблю снимать и пейзажи – природу и архитектуру... Кто сказал, что архитектура – это застывшая музыка?

– Гёте? – предположила Маруся.

– Bravo! – одобрительно кивнул Гвоздарев. – Вы нравитесь мне все больше и больше! А вы заметили, что в нашем городе очень много таких «звучащих» зданий?

– Угощайтесь, Маруся, – Любовь Павловна пододвинула Марусе коробку с конфетами, – Василий Ионович у нас любитель поговорить, но, надо сказать, и дело свое знает отменно. Видели в фойе фотографии? Это его работы. Талантливо, не правда ли?

Маруся выразила горячее согласие.

Бисмарк, соизволивший осчастливить общество своим присутствием, бесшумно запрыгнул на свободный стул и чинно уселся, светя огромными круглыми глазами. Бисмарк живо напомнил Марусе Мурека, коту ее покойной подруги Дануты. От этого воспоминания у нее защемило сердце...

Сама съемка растянулась часа на два. Любовь Павловна помогла Марусе припудриться и накрасить губы специаль-

ной зеленой помадой. Оказывается, на черно-белой фотографии красный цвет получается просто серым, зато зеленый создает эффект ярко накрашенных губ. Этим приемом, по словам Любви Павловны, пользовались еще во времена немого кино.

Василий Ионович усадил Марусю на стул с резными подлокотниками, долго возился с лампами и софитами, выставя свет, а затем, спрятавшись под черным покрывалом, целился в Марусю огромным глазом объектива деревянной камеры с мехами-гармошкой.

Все это время он беспрерывно говорил – рассказывал об истории фотографии, читал стихи, смешил анекдотами, добиваясь от Маруси нужного ему настроения. Добившись, вскрикивал:

– Внимание, замерли! Не дышим! – снимал крышку с объектива, делал круговое движение рукой и водружал крышку на место. Потом менял кассеты, и все повторялось сначала.

В завершение вечера Василий Ионович, узнав, что Марусин папа увлекается фотографией, а Маруся иногда помогала ему проявлять пленки и печатать снимки, пригласил ее заглянуть в его святая святых – фотолабораторию, где он священнодействовал с химикатами и растворами. Посреди лаборатории, залитой таинственным красным светом, возвышался большой фотоувеличитель со штурвалами, напоминавшими корабельные. В углу стоял барабанный глянецователь для сушки фотографий, на столе – наполненные раство-

рами ванночки и весы для взвешивания реактивов. На полочках теснились бесчисленные баночки и колбочки...

Провожая гостью, Василий Ионович и Любовь Павловна сообщили Марусе, что ждут ее через неделю, к этому времени ее фотографии, мол, будут готовы.

После этого удивительного дня Марусю еще долго не покидало ощущение, что она побывала в необычном и загадочном мире. Оставалось только набраться терпения, чтобы дождаться фотографий. Ох, и трудная же это задача!..

Чему работающий человек посвящает свой выходной день? Уборке, стирке, глажке... А еще? Правильно, своему увлечению. У кого оно, разумеется, есть.

Маруся с детства увлекалась танцами. В Чкаловске она стала участницей танцевального ансамбля при Доме офицеров. Слава ансамбля «Калинка», как и женского хора, в котором пели все жены офицеров и прапорщиков и такие же, как Маруся, вольнонаемные, гремела на весь Прибалтийский военный округ. Хотя другие коллективы Дома офицеров, возглавляемого капитаном Юрием Артемьевым, тоже пользовались популярностью – и цирковая студия, и оркестр народных инструментов... Капитан Артемьев был неплохим организатором и творческим человеком. Справедливости ради следует заметить, что некоторые его «художества» начальство осуждало, сослуживцы не одобряли, а жена Зоя сходилась с ума от ревности и устраивала скандалы. Из-за того, что Артемьев редкую юбку пропускал мимо внимания, он даже умудрился попасть в число тех, кого Маруся подозревала, расследуя свое первое дело! К счастью, все разъяснилось, а Юрий после той истории даже слегка остепенился. Правда, ненадолго...

Для подготовки к встрече Нового года Артемьев создал инициативную группу, в которую вошли Маруся, ее подру-

га Антонина, солистка хора и глава женсовета гарнизона, и еще несколько энтузиастов, в том числе библиотекарь Дома офицеров Серафима Панина. Планы организаторы праздника строили грандиозные: программа включала концертные номера, новогодние лотерею и почту, конкурсы с призами и, конечно же, дискотеку. Из актового зала решили вынести ряды кресел и поставить столики – как в телевизионных «Голубых огоньках». Зал предполагалось празднично украсить, а везде, где получится, поставить небольшие наряженные елочки.

Вести праздничный вечер должны были Дед Мороз и Снегурочка, а помогать им, точнее, мешать – Баба-яга. Деда Мороза собирался играть сам Артемьев, а вот со Снегурочкой и Бабой-ягой вышла заминка. На роль Снегурочки объявилось сразу пять претенденток, тогда как на роль Бабы-яги – ни одной.

Маруся подросла как раз к очередной дискуссии по этому поводу.

– Бабу-ягу со стороны брать не будем. Воспитаем в своем коллективе! – со смешком процитировал Артемьев персонажа «Карнавальная ночь» Огурцова. В последнее время начальник Дома офицеров буквально сыпал цитатами из этого фильма.

– Уже воспитали, и не одну, – буркнула Антонина, – заниматься только почему-то никто не хочет.

– Сима, мне кажется, из вас получится прекрасная Ба-

ба-яга! – Юрий с надеждой посмотрел на библиотекаршу Серафиму.

– Почему я? – гневно сверкнула глазами из-за очков Серафима. Похоже, обычно безотказная библиотекарша на этот раз решила не сдаваться. – По-вашему, в Снегурочки я не гожусь?

– Разумеется, годитесь, – дал задний ход Артемьев, – но... как бы вам объяснить...

Серафима сняла очки и часто заморгала, ее близорукие глаза, обрамленные короткими белесыми ресницами, подозрительно заблестели. Маруся почувствовала, что ситуация накалилась до предела.

– Я буду Бабой-ягой! – вмешалась она. – С детства обожаю отрицательные роли. Ну что хорошего в Снегурочке? Ходи хвостиком за Дедом Морозом и улыбайся. То ли дело Баба-яга. Баба-яга – это характер, эмоции, страсть, экспрессия! Бабу-ягу можно сыграть так, что на Снегурочку вообще никто смотреть не станет!

– Ты так считаешь? – задумчиво произнесла Серафима. – Пожалуй, я...

– Сима, если ты не хочешь, я могу сыграть Бабу-ягу, – вклинилась Татьяна Шведова, Марусина соседка по квартире. Татьяна тоже претендовала на роль Снегурочки, хотя с ее могучей комплекцией больше пристало бы играть Снеговика или, например, одну из лошадок Дедушки Мороза.

– И я могу! – подала голос еще одна потенциальная сне-

гурочка.

– И я! И я! – зазвучали голоса.

Маруся поняла, что с рекламой Бабы-яги немного переборщила.

– О, женщины, вам имя – вероломство! – схватился за голову Артемьев. – Теперь у нас ни одной Снегурочки, но целых пять Баб-яг... Бабов-ягов?

– Бабей-ягей, – пискнула Маруся. Поймав на себе негодующий взгляд Артемьева, она спряталась за широкую спину Татьяны Шведовой.

– Юрий, ты должен принять волевое решение, – заявила Антонина.

– Девочки, а может, вы сами разберетесь? – стушевался Артемьев.

В итоге вопрос с Бабой-ягой оставили открытым до завтра. Зато никто, включая библиотекаря Симу, не ушел с совещания инициативной группы обиженным, а это уже хорошо!

Маруся была знакома с Серафимой и раньше, записалась в библиотеку почти сразу по приезде в Чкаловск. Но сблизилась с девушкой как раз совместная работа над сценарием праздника. Симе Паниной Маруся симпатизировала. Да, Сима не отличалась яркой внешностью, однако обладала множеством других достоинств – трудолюбием, ответственностью, эрудицией, начитанностью, готовностью браться за любую общественную работу... Хорошо отзывалась о Серафиме и мед-

сестра Катя, которая снимала у Паниной комнату, а уж Катерина-то в людях разбиралась.

С точки зрения Маруси, у Симы имелся только один пункт – впрочем, для девушки чуть за тридцать вполне простительный, – желание во что бы то ни стало выйти замуж.

Недавно у Серафимы появился поклонник – молодой человек пижонистого вида с бегающими глазками и прилизанными волосами. Род занятий пижона Маруся, видевшая его всего один раз и то мельком, определить затруднялась, но нужды в деньгах он явно не испытывал. Сима же, вместо того чтобы хвастаться новым воздыхателем, от ответов на вопросы о нем почему-то уклонялась. Всезнающая Антонина полагала, что дело там нечисто.

– Серафима сболтнула, что они чуть ли не каждый вечер ужинают в ресторане, – поведала Антонина Марусе. – В «Балтике». Ты знаешь, какие в «Балтике» цены? Салат – три рубля порция, горячее – пять! Пять рублей за недожаренный кусок мяса! А ты видела, какие у него джинсы? А куртка? Он фарцовщик, я тебе точно говорю! Спекулянт. В Калининграде таких ловкачей пруд пруди.

– Если даже и фарцовщик, то что? Разве у нас за это сажают? – пожала плечами Маруся. – И потом, он же никого не заставляет покупать у него втридорога дефицитные вещи. Сами берут, еще и благодарят.

– Кое за что сажают, – хмыкнула Антонина. – За валютные операции, к примеру. А за приставание к иностранцам

штрафуют. Я Серафиму предупредила, но она и ухом не ведет!

Спорить с Антониной было бесполезно. Главе женсовета гарнизона положено заботиться о своих, скажем так, подопечных, в том числе и об их моральном облике. Оставалось надеяться, что Сима Панина в тридцать с хвостиком уже достаточно взрослая девочка, чтобы не наделать глупостей, о которых ей потом придется сожалеть...

На следующий день после работы Маруся забежала в библиотеку, чтобы поменять книги и поболтать с Серафимой. Библиотека располагалась на втором этаже Дома офицеров, непосредственно над актовым залом.

Сима, перебирая книжные формуляры, любезничала с каким-то мужчиной, который стоял к Марусе спиной.

– Здравствуй, Маруся! Как хорошо, что ты зашла! – воскликнула Серафима. – Хочу тебя познакомить с нашим активистом, моим добровольным помощником и в высшей степени творческим человеком Василием Ионовичем Гвоздаревым. Василий Ионович, это Маруся Левкова. Она врач-терапевт, работает в госпитале, а еще... ой, а о Марусе ведь можно сказать то же самое, – рассмеялась Сима. – Наша активистка и тоже человек в высшей степени творческий!

– А мы как раз недавно познакомились, – улыбнулась Маруся, протягивая Гвоздареву руку.

– Да-да, я уже имел честь и удовольствие познакомиться с товарищем Левковой, – закивал Гвоздарев, – и полагаю, что о ней можно сказать гораздо больше добрых слов, чем о вашем покорном слуге. Например, что Мария... простите, не знаю вашего отчества, чрезвычайно фотогенична. Как, к слову, и вы, Симочка, хотя вы у нас и известная скромница.

Сима порозовела и потупилась.

– Кстати, Марусенька, ваши фото уже готовы! Как я и предполагал, они получились просто прелестно! Если бы я знал, что вас встречу, непременно захватил бы их с собой.

– Ничего страшного, я с удовольствием забегу к вам в ателье, – заверила Гвоздарева Маруся, – а пока передайте от меня наилучшие пожелания Любове Павловне. И Бисмарку. А вы тоже читатель нашей библиотеки?

– Василий Иванович – фронтовик, он помогает мне оформлять экспозицию в комнате боевой славы, – сообщила Марусе справившаяся со стеснением Сима, – и тратит на это уйму собственного времени! Он уже стал здесь у нас буквально своим! Мне ужасно неудобно злоупотреблять его добротой, и я просила Юрия изыскать какую-нибудь возможность... Но, представь, Василий Иванович отказался наотрез и заявил, что будет работать исключительно на общественных началах!

Серафима Панина, кроме библиотеки и художественной самодеятельности, занималась ведением документации созданного при Доме офицеров Совета ветеранов войны, обновлением наглядной агитации и тому подобными важными вещами. К годовщине Великой Победы решено было подготовить выставку «Они сражались за Родину» с портретами и биографиями жителей Чкаловска – участников Великой Отечественной войны. Серафима скрупулезно собирала необходимую информацию, что сейчас, почти через тридцать два года после окончания войны, оказалось не таким уж

и легким делом.

– Что вы, Симочка, ни о каком вознаграждении не может быть и речи! – замахал руками Гвоздарев. – Буду счастлив, если мой скромный вклад послужит нашему общему делу. Наш, не побоюсь этого слова, гражданский долг – сберечь память о подвиге наших героев. Прекрасно, что не только мы, старики, но и наша замечательная молодежь это понимает. А лучшая награда для меня – ваша, Симочка, очаровательная улыбка.

Гвоздарев взял руку Серафимы в свои и поцеловал. Сима снова покраснела – сказывалась ее неизбалованность комплиментами.

– За сим, милые девушки, разрешите откланяться, – фотограф приложил руку к груди и наклонил голову. – Серафима Иннокентьевна, задачу я понял, разрешите выполнять? Все будет сделано в срок. Желаю здравствовать!

– Прелесть, скажи? – произнесла Сима, когда за Василием Ионовичем закрылась дверь библиотеки. – Интеллигентнейший человек! А он ведь тоже воевал. И тоже геройски. Представляешь, в годы войны на него подавались наградные документы за подвиг, но орден он так и не получил, потому что был ранен, попал в госпиталь, долго лечился и документы потерялись. Вот ведь незадача, правда?

– Да, обидно, – подтвердила Маруся. – А ты откуда об этом знаешь?

– Василий Ионович сам мне рассказал. А я сказала, что

можно послать запрос в Министерство обороны СССР. Нужно же восстановить справедливость! Так он сразу запротестовал: зачем, мол, тратить время и силы. Ну, ты же видишь, какой он скромный!.. Послушай, а ты никуда не торопишься? Может, чайку попьем? С сушками. Я сегодня позавтракать забыла, а пообедать не успела. Читателей нет, и вряд ли сегодня еще кто-то придет...

Маруся никуда не торопилась, поэтому против чая не возражала. «Все-таки хорошо быть свободной женщиной и самой распоряжаться своим временем, – подумала она то ли о Серафиме, то ли о себе. – Хорошо ведь?»

Чаевничать собрались в небольшой комнатке без окон, дверь в которую маскировали стеллажи с книгами. Здесь же был рукомо́йник, на полочке возле которого примостилась мыльница с кусочком «Земляничного» мыла.

Сима достала из тумбочки банку с заваркой, чашки, коробочку с рафинадом, тарелочку с сушками и поставила на накрытый клеенкой столик. Затем открутила кран и набрала воды в старенький электрочайник.

– Тут розетка не работает, придется воткнуть в зале, – объяснила она. – Сколько раз просила Юрия прислать электрика, чтоб починил! Как об стенку горох!

– Ай! – донеслось до Маруси через минуту из-за стеллажей.

Перед тем, как Маруся успела броситься на помощь, Сима вернулась, дую на кончики пальцев.

– Странно, розетка и там, оказывается, хлипкая. Искрит, чуть током не стукнуло, – пожаловалась она. – У меня дома тоже без мужской руки электричество и прочая техника в упадок пришли. При папе все содержалось в полном порядке, у него руки были золотые. А как его не стало... Увы, я в этих делах совершенно беспомощна. Спасибо Катюше, квартирантке моей, нашла мастера, он подремонтировал.

– Да, Катерина пропасть не даст, – согласилась Маруся.

«Быть свободной женщиной, может, и хорошо, но в том, что тебя дома никто не ждет, хорошего мало, – подумалось Марусе. – Как же мне повезло, что у меня есть и папа, и мама, и бабушка! Пусть они сейчас далеко, но любят меня и думают обо мне. Тысячу раз права мама, когда говорит, что главное, чтоб все были живы и здоровы, остальное приложится...»

В ожидании, пока закипит чайник, Маруся и Сима обсудили погоду, перемысли косточки Артемьеву и сгрызли половину сушек.

– Вчера у нас в Доме офицеров фильм для солдатиков показывали, так в библиотеке был аншлаг. Вешалка тяжести их шинелей не выдержала, рухнула! – пожаловалась Сима. – Они, чтоб не ждать на улице, пока в зал запустят, приходят сюда журналы полистать. Нет, я их прекрасно понимаю, холодно же на дворе... Только зачем из библиотечных журналов картинки для дембельских альбомов вырезать?! Хорошо, я вовремя пресекла эти попытки. Еще и кучу фантиков

от конфет после таких горе-читателей из столов выгребла...

– Да, культуру в массы нести непросто, – сочувственно вздохнула Маруся.

Чайник закипел, Серафима щедро сыпанула в заварочный чайничек из черной с красным жестянки с надписью «Чай грузинский экстра». Чуть позже разлила заварку и кипяток по чашкам. Марусе налила в белую с васильками, себе – в свою любимую, красную в крупный белый горох. Разговор перешел на книжные новинки, недавно поступившие в библиотеку.

– Очень рекомендую почитать «Эру милосердия» братьев Вайнеров. Тебе должно понравиться, там же о сотрудниках уголовного розыска, о том, как они преступления раскрывали, – сообщила Сима. – Я этот роман еще в журнальном варианте читала, в «Смене» публиковали с продолжением, только под другим названием – «Место встречи изменить нельзя» назывался. А сейчас Воениздат напечатал книгу. Захватывающая вещь! И переживательная, и задуматься есть над чем. Люблю такие книги... Еще чайку?

Увлечшаяся беседой Серафима не забыла об обязанностях хозяйки и сбегала снова включить чайник.

– Так вот, – продолжила она, вернувшись, – я, например, не могу понять, Глеб Жеглов – какой герой? Шарапов – однозначно положительный. А Жеглов? С одной стороны, вроде бы тоже положительный. Но с другой... Вот ты считаешь, скажешь мне, что по этому поводу думаешь.

– Обязательно. Вообще-то, – Маруся хотела сказать что-то умное о неоднозначности некоторых литературных героев, но повела носом и сказала другое, – я думаю, что почему-то пахнет дымом. . .

Тянуло, причем весьма ощутимо, из зала библиотеки. Тоненькая струйка дыма уже просочилась через приоткрытую дверь в комнатку, где сидели девушки.

– Горим? Пожар?! – Сима вскочила, заметалась по комнатке, сграбастала со столика пухлую папку и бросилась к старому скособоченному шкафу, куда обычно вешала пальто. В этот момент в зале раздался хлопок, затем треск. Погас свет, похоже, произошло короткое замыкание. Темнота настала почти кромешная.

Маруся нащупала Симу, вцепилась в нее и потащила за собой прочь из тесной темной комнатки.

В просторном зале было не так уж и задымлено. В большие окна лился свет от уличных фонарей, освещая зал библиотеки. Сизая струйка дыма поднималась от обугленного провода возле розетки, куда был включен чайник.

– Розетка закоротила! Где у тебя огнетушитель? – мгновенно оценив обстановку, спросила Маруся.

– На щите в конце коридора, – пролепетала Сима, – но я не уверена, что он работает. . .

– Твою дивизию! – воскликнула Маруся, озираясь в поисках подручных средств пожаротушения и хватая висевшее на спинке стула вафельное полотенце.

Воняло сгоревшей пластмассой, тлели, вспыхивая красными огоньками, кусок отклеившихся обоев и висевший на стене плакат «Любите книгу – источник знаний!» Маруся сбила огоньки полотенцем, благо оно оказалось влажным. Еще немного – и могли загореться шторы, тогда последствия были бы более плачевны...

– Уф-ф... – Она опустилась на табуретку. Опасность миновала, однако сердце все еще колотилось.

Сима, видимо, перепугалась сильнее. Она переводила взгляд с Маруси на злосчастный чайник, прижимая к груди папку и большой целлофановый пакет с надписями на иностранном языке и портретом Пола Маккартни. Причем пакет был не стиранный и заклеенный изолентой, а новенький и хрустящий. Знающие люди говорили, что такие пакеты без портретов фарцовщики продают по пять рублей штука, а с портретами – в десять раз дороже. Уму непостижимо, конечно, но мода порой требует и не таких жертв.

Маруся открыла крышку чайника и заглянула – пусто.

– Вода вся выкипела, – она отложила грязное полотенце и локтем вытерла со лба пот. – К счастью, мы вовремя спохватились. Давай-ка окно откроем, проветрим. А что это у тебя за пакет?

– Да так, кое-какие вещи, ничего особенного, – промямлила Сима, заталкивая пакет с Полом Маккартни под рабочий стол и кидаясь помогать Марусе открывать окно, заклеенное на зиму. – Какая ты молодец, Маруся, не растерялась!

А я от страха совсем соображать перестала. Страшно подумать, что было бы, случись в библиотеке настоящий пожар!

Отворачиваясь от дуявшего ей в лицо холодного ветра, Маруся вспомнила, как летом на лестничной площадке возле их коммунальной квартиры загорелись деревянные ступеньки. Загорелись по вине мужа Татьяны Шведовой Николая, который поставил ведро с предназначенным для утреннего растапливания плиты тлеющим угольным брикетом не на сложенные специально для этой цели кирпичи, а прямо на ступеньки. Ночной пожар соседи гасили сообща, и закончилось все благополучно. Только ступеньки и балясины обуглились да стены закоптились. Но Коля Шведов со товарищи к утру ликвидировал последствия рукотворного бедствия. Кстати, вычислила виновника происшествия методом дедукции именно Маруся.

Библиотека, к счастью, от нынешнего пожара почти не пострадала, да и расследовать здесь нечего, и так все ясно. Разве что не забыть поскандалить с начальником Дома офицеров Юркой Артемьевым из-за хлипких розеток и неработающего огнетушителя...

В коридоре послышались торопливые шаги, дверь библиотеки открылась и на пороге обрисовалась темная мужская фигура. По стенам скользнул луч фонарика. Марусино сердце снова учащенно забило и ухнуло в пятки.

– Девчата, чего тут у вас? – раздался голос дежурного по Дому офицеров. – Весь этаж обесточили! Гарью пахнет...

пожар, что ли? Пожарных вызывать? Да что случилось-то?!

– О, явился, не прошло и года, – пробормотала Серафима. – Не надо никого вызывать, Гриша, потушили уже все, справились своими силами, – громко добавила она. – Но не забудь доложить начальству, что у нас короткое замыкание произошло из-за неисправных розеток. Если оно, начальство, не хочет понести большой урон в материальных средствах и, возможно, в живой силе, пусть немедленно починит!

– Я-то передам, – пообещал дежурный, – а вы давайте это... разбегайтесь по домам, пока еще чего-нибудь не спалили!

– Пойдем, Марусь, – сказала Сима, закрывая окно, – сейчас, в темноте, тут даже порядок не наведешь. Утро вечера мудренее. К тому же завтра – санитарный день, а в санитарный день мне в помощь всегда солдатиков присылают. Они и пол моют, и пыль с книг вытирают... Будет шанс отыгаться на них за фантики в столах!

На самом деле Серафима была человеком добрейшей души, поэтому степень своего коварства сильно преувеличила. Не иначе как уже начала вживаться в роль Бабы-яги...

Иван Трофимович Полевой, едва оправившись от инфаркта, заболел двухсторонним воспалением легких, посиделки в мороз на парковой скамейке не прошли бесследно. Полевой упрашивал начальника госпиталя Воронова выписать его из больницы и отдать на поруки супруге Клавдии Матвеевне, но Воронов и слышать об этом не хотел. Вместо этого он велел Марусе, как лечащему врачу Полевого, окружить пациента удвоенной заботой и вниманием.

– О состоянии его здоровья и ходе лечения будете докладывать мне лично дважды в день, утром и вечером, – официальным тоном распорядился Воронов. – Приказ понятен?

– Так точно, товарищ майор, – отчеканила Маруся. И, не удержавшись, добавила: – Хотя ваш... осведомитель и так вам докладывает о каждом моем шаге. И слове.

Воронов обязал ее регулярно докладывать о здоровье Полевого для того, чтобы иметь весомый повод чаще видеться, ведь в последнее время Маруся старалась его избегать. Она все еще злилась на Андрея за ту сцену в его кабинете. В глубине души Маруся признавала: несмотря на то что подозреваемый, можно сказать, был застигнут на месте преступления, оснований для обвинительного заключения у нее мало. Но сменить гнев на милость означало бы, по ее мнению, дать слабину. А давать слабину она не хотела. И как теперь,

спрашивается, выходить из этого положения?

– Какой еще осведомитель? – встревожился Воронов. – Ах, ты о... Марусь, ну хватит дуться! Говорю тебе, у меня с Марго ничего не было! И нет! И не будет! Что ж вы, женщины, за люди такие, виноват – проси прощения, не виноват – все равно проси! Ну, ладно, хорошо, прости меня!

«То-то же, – подумала Маруся, – давно бы так!»

Окно, возле которого они с Андреем стояли, выходило на окруженную стриженными кустами лужайку. Чкаловский военный госпиталь располагался в старинном двухэтажном особняке с мраморными лестницами, садом и высоким чугунным забором. Летом из окна своего кабинета Маруся могла наблюдать, как больные в пижамах, усевшись на скамейки, читают газеты, играют в шахматы или шашки и даже тайком от медперсонала затягиваются папироской. Поздней осенью желающих перед обедом подышать воздухом находилось гораздо меньше, вокруг уснувшей под снегом цветочной клумбы бродил всего один мужичок в шапке-ушанке и телогрейке, из-под которой торчали широкие пижамные штаны. Присмотревшись, Маруся узнала Чекменева из третьей палаты – того больного, который якобы жаловался на ее грубость. Марго Кольшкина, ябедничая об этом Воронову, разумеется, беззастенчиво лгала: Маруся никогда не грубила своим больным. Напротив, относилась к ним с пониманием и сочувствием, хотя и осознавала: на то, чтобы сопереживать всем пациентам, врача просто физически не хватит. Да и па-

циенты бывают разные...

За госпитальной оградой в одну сторону простирался городской парк, в другую – те самые развалины, где, по словам кого-то из товарищей Митьки Кузнецова, видели призрака. Кстати, нужно спросить у Митьки, чем закончилась его вылазка. Судя по тишине и спокойствию в их квартире, в этот раз обошлось без членовредительства...

– Марусь, ты меня слышишь? Не молчи, скажи хоть что-нибудь, – вывел ее из созерцательного настроения голос Воронова. – Скажи, что больше не сердись. Ну пожалуйста!

В этот миг тучки, которые с утра заволокли низкое небо, расступились и в образовавшийся голубой просвет выглянуло солнышко. Унылая природа сразу воспрянула духом, даже вплотную подступившие к ограде вековые деревья, казалось, приободрились. На душе у Маруси тоже стало легче. Похоже, дерзкий солнечный лучик растопил и холодок, который чувствовался между нею и Андреем в начале разговора. Она уже открыла рот, чтобы сказать: «Так и быть, что с тобой поделаешь, прощаю!» И тут...

– Андрей Владимирович, я вас везде ищу, а вы вот где! – возле них, откуда ни возьмись, нарисовалась Марго. В руке она держала тарелочку, накрытую салфеткой. – Пирожки с яблоками, свеженькие, с пылу с жару! Можно сказать, по спецзаказу. Угощайтесь!

Марго изящным, как она, наверное, думала, движением сдернула салфетку и застыла в соблазнительной позе. Ей

бы еще кружевную наколку и накрахмаленный фартучек, и сходство с официанткой из вокзальной пивной оказалось бы полным.

На Воронова было страшно смотреть. Он скрипнул зубами, покраснел, потом побелел, сжал кулаки и начал хватать ртом воздух, подбирая, очевидно, слова, за которые ему не будет мучительно стыдно перед Марусей...

Маруся критически осмотрела колышкинские пирожки, выбрала один, осторожно надкусила, пожевала...

– Фу-у! – она скривилась, по выражению ее бабушки, «как середка на пятницу». – Гадость какая! Тесто склизкое, горчит, начинка с запашком... Андрюша, радость моя, не рекомендую тебе это есть, – Маруся ткнула пальчиком в тарелку, которую по-прежнему держала ошарашенная Марго. – Чревато последствиями. Расстройство желудка практически гарантировано. Понадобятся процедуры – и отнюдь не физиотерапевтические. Промывание, возможно, клизма... Оно тебе надо? Ты подумай, а я, пожалуй, пойду, меня пациенты ждут. Я ведь, в отличие от некоторых, еще не переквалифицировалась в пекари...

Маруся не оглядывалась, поэтому не знала, какой эффект возымело ее маленькое представление. Она, собственно, ни на что особо и не рассчитывала – так, порезвилась малость. Не только же Колышкиной провокации устраивать. По сравнению с расстегнутой в кабинете у Воронова колышкинской кофточкой Марусин экспромт – вообще невинная шалость.

А кто сказал Марго, что будет легко?..

С вечерним докладом Маруся к Воронову не пошла. Не потому, что посмела нарушить приказ, а потому, что он куда-то уехал, распорядившись его не ждать.

Осенний день короток, домой она возвращалась в темноте и в расстроенных чувствах. Если б не эта беспардонная зараза Колышкина, они с Андреем помирились бы и сейчас, возможно, были бы вместе. Не говоря уже о том, что если б не Марго, то они и не поссорились бы... наверное. Маруся почувствовала, что снова начинает злиться на Воронова: хотел бы – давно уже послал бы Колышкину куда подальше. Ему достаточно один раз гаркнуть на нее так, как он умеет, чтобы она боялась лишний раз к нему подойти ближе, чем на пушечный выстрел. А раз не послал – значит... О том, что это значит, Марусе думать не хотелось. Неужели придется признать, что Андрей не выдержал испытания Колышкиной?

Однако даже если и так, Маруся, как девушка здравомыслящая, постарается не делать из этого вселенскую трагедию. В конце концов, главное, как говорила Марусина мама, чтоб все были живы и здоровы. Воронов здоров как бык, а то, что сейчас не с ней... Даже если змее Марго удастся его охмурить, пусть это будет в ее, Марусиной, жизни самая большая потеря. Ей не привыкать к мужскому коварству, такая уж, видно, ее судьба...

Так, стоп! Еще немного – и она начнет себя жалеть, а

это в ее ближайшие планы не входило. Нужно срочно «принять лекарство». Самой эффективной пилюлей от уныния для Маруси всегда было что-нибудь вкусненькое. Конфеты «Белочка» кончились еще позавчера, к чему в немалой степени приложил руку – во всех смыслах – сосед Митька. Но песочное пирожное, купленное в булочной, которую Маруся облюбовала едва ли не в первые дни пребывания в Чкаловске, тоже сгодится. А если еще вспомнить, что ее давно ждет моток мягчайшей пряжи цвета бордо и образцы узоров для нового свитера... В предвкушении тихого спокойного вечера Маруся пошла на кухню ставить чайник.

Напившись чаю с пирожным, она устроилась под любимым оранжевым торшером со спицами и схемами вязания.

Вязать Маруся любила по нескольким причинам. Во-первых, во времена дефицита это давало возможность шагать в ногу с модой и регулярно красоваться в обновках, приобрести хорошую одежду в магазине было трудно, а обращаться к фарцовщикам, как это делали некоторые ее подруги, Маруся не хотела.

Во-вторых, вязание помогало думать. Правда, не всем. К примеру, Марусина мама с этим тезисом категорически не соглашалась и периодически его опровергала.

– Кто сказал, что вязание успокаивает нервы?! – возмущалась она, запутавшись в сложной схеме и в сердцах бросая спицы с перекосившимся узором на диван. – Мои нервы оно только расшатывает!

А вот Марусе этот кропотливый, казалось бы, процесс помогал осмыслять факты и намечать план действий. Размышляя над перипетиями своего первого дела, она вязала прехорошенький сиреневый пуловерчик, который закончила почти одновременно с расследованием. Да, своеобразная у нее осталась память об успешном завершении дела о четырех убийствах. Не считая, конечно, модной стрижки, которую ей сделала бедняжка Эльза... Интересно, о чем будет напоминать бордовый свитер, для которого она только что набрала петли?

Несмотря на то что рассказ Ивана Трофимовича Полевого о гибели его друга вот уже несколько дней не выходил у Маруси из головы, она пока не знала, что думать по этому поводу. На первый взгляд, обычное, как бы цинично это ни звучало, убийство с целью ограбления. Если б друг Полевого перед смертью не упомянул о каких-то загадочных сурке и коте, вообще было бы не за что зацепиться. Хотя можно ли считать эти слова зацепками? Быть может, они были сказаны в бреду или в беспомыслии...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.